

ПОСТСКРИПТУМ К СТАТЬЕ О ДВУХ ПОЭТАХ И ИНТЕРВЬЮ В.А. ТВАРДОВСКОЙ ОЛЕГУ ЕРМАКОВУ (АЛЬМАНАХ № 20 «ПОД ЧАСАМИ», КНИГА II)

Статья о студенческих годах двух поэтов была написана до выхода последнего (20) номера альманаха «Под часами» за 2021 год. Там я прочла интервью О. Ермакова с Валентиной Александровной Твардовской «Век Твардовского продолжается». И я не могу, и как дочь своего отца, и как хранитель архива и исследователь его жизненного пути, не сказать несколько слов по поводу этого интервью.

Я всегда считала и продолжаю считать, что к объективности суждений должен стремиться любой честный человек, не зависимо от рода занятий, званий и т.д. А уж более историк, хотя, к большому сожалению, это далеко не всегда соблюдается, и часто удобнее игнорировать факты, чем скрупулезно искать истину. Но есть такое понятие, как порядочность. Ошибки не редкость в жизни любого человека. Но если ты о ком-то или о чем-то неверно судил – по незнанию, предвзятости или иным обстоятельствам, а жизнь доказывает обратное, то нужно не повторять, а признать свою ошибку, и прежде всего для самого себя, чтобы жить дальше с открытым сердцем. Искреннее признание ошибочности своих взглядов означает наличие совести. Так было принято у нас в семье, к этому приучили нас с малолетства. И речь шла не только о внутрисемейных отношениях, или наших детских поступках (это было само собой разумеющимся), а относилось ко всему, что нас окружало и влияло на жизнь. Безусловно, нас воспитывала вся атмосфера жизни семьи, безупречная порядочность поведения и поступков родителей, их постоянная бескорыстная помощь людям. И все же особо хочу выделить длинные и чрезвычайно интересные разговоры во время воскресных обедов, когда вся семья собиралась за круглым столом, и можно было поговорить обо всем, что интересовало, что хотелось узнать именно от папы (в другое время мы не решались к нему обращаться и отвлекать от работы). Папа никогда не отмахивался от наших вопросов, но и не навязывал каких-то определенных, а тем более нравоучительных тем для обсуждения. Все получалось как-то само собой – из наших вопросов или замечаний. Боже мой, сколько он знал и как умел передавать нам, словно был живым свидетелем событий. Он стал нашим гуманитарным университетом. Я уверена, что если бы можно было тогда записать его устные рассказы, то получился бы совершенно блестящий курс, например, по истории древнего мира, или книги, от которых нельзя было бы оторваться. Да, он знал невероятно много и не только о далеком прошлом. Говорили мы и о современной жизни, но никогда ни о ком не сплетничали. Они с мамой стали источником наших по сути альтернативных знаний о жизни, и особенно сельской. Именно тогда, школьницами, мы узнали о реальной жизни много такого, о чем не писали газеты, не рассказывали по радио, не говорили в школе, либо там это звучало иначе. Они просто рассказывали о своей жизни в деревне или о своих родственниках. А делать выводы предстояло нам самим. Но до какого-то момента это все шло параллельными курсами в сознании и не пересекалось. А впервые, как мне кажется, произошло пересечение, когда совершенно случайно я упомянула имя Павлика Морозова, числившегося героем еще со времен

коллективизации. Видимо, о нем шла речь в какой-то передаче. Надо сказать, что родители совершенно не переносили доносов и часто говорили нам: доносчику – первый кнут. Доносы же на собственных родителей считали просто верхом безнравственности. А тут я ляпнула о П. Морозове. Этого папа не мог перенести и вспылал. Лицо его настолько изменилось, что мы почувствовали, что его охватил гнев. Такого мы не видели никогда прежде. Он мог быть чем-то расстроен, сердит, но всегда держал себя в руках. Во всяком случае, в кругу близких. Обычно он спокойно и терпеливо объяснял, в чем мы заблуждались. А тут жестко заявил мне – как можешь ты судить о том, что не знаешь, откуда тебе известно, что там было на самом деле? Я испуганно пролепетала, что читала. Но папа сразу же отмел все мои слова и рассказал, как в те времена, а он работал тогда в сельском совете (секретарем, потом председателем), отбирали у крестьян все до последнего зерна, обрекая на голодную смерть целые семьи. Меня в тот момент до глубины души поразила столь эмоциональная реакция такого спокойного и терпеливого человека, и это врезалось в мою память на всю жизнь. Всю боль его, горечь, гнев за пострадавших и уничтоженных людей стала понимать несколько позднее. Аналогичные и даже более жестокие случаи происходили и в семье моего деда по матери Антона Францевича. Я совершенно твердо знала, что родители никогда нам не лгали, и все было именно так, как они говорили. Папа всю жизнь с гордостью вспоминал как об одном из лучших поступков, что ни одного жителя своего сельсовета он не занес в списки кулаков, этих великих тружеников земли и тем самым спас от раскулачивания и высылки. За это ему самому грозила неминуемая кара, если бы не его непосредственный начальник Денисов, хорошо разбиравшийся в политической ситуации, который настойчиво посоветовал ему уехать учиться, хотя это было тоже непросто, т.к. папа был комсомольцем и практически единственным грамотным человеком в округе, но не только отпустил его, но и, что тоже было очень важно, дал ему рекомендацию. А Денисова репрессировали, отправили в ссылку, но по счастью он выжил, был реабилитирован и переписывался с папой. Взрослея, я все чаще начала задумываться, насколько трудно было жить и делать выбор честному человеку, если разум и совесть восставали, а окружающие находили правильным, не задумываясь о последствиях.

Поэт А. Гатов в своих воспоминаниях о папе писал о Рыленковых: «Евгения Антоновна Рыленкова – женщина необыкновенно обаятельная, тактичная и прямая. Чувство справедливости ей присуще в той же степени, в какой оно жило в самом поэте». Это были единомышленники, связанные глубокой любовью, преданностью друг другу и честностью. Но если мама как частное лицо могла себе позволить говорить неприятные вещи даже «высокому» начальству – например первому секретарю обкома П.И. Доронину, то каково было папе (публичному человеку) отстаивать свое мнение? И все же он это делал, и не только в своем творчестве, выступлениях, статьях. Даже на партконференции, что было просто немыслимым делом. Я и сейчас поражаюсь его поступкам. Каким же мужеством надо было обладать, чтобы «посметь» проголосовать одному против решения областной парторганизации об исключении из партии Никитина. И за что? Только за то, что его жена-горожанка отказалась поехать с мужем на работу в село «поднимать» сельское хозяйство. Была такая кампания в пятидесятые годы, когда «добровольцев» – коммунистов из городов (в большинстве не имевших представления о сельском хозяйстве) отправляли на село. Первый секретарь обкома Доронин поднял папу с места и заставил представиться всему залу. Конечно, Никитина исключили (что мог решить один голос против). Но сам факт, что кто-то посмел выступить против, акт

мужества человека, так или иначе известного всем, как мне кажется, заставил многих задуматься. Папе он обошелся дорого, но не поколебал его решимости. Мама всецело поддержала его, хотя прекрасно понимала, какими последствиями это чревато. Действительно, Доронин решил продолжить «экзекуцию» непокорному писателю еще и один на один. И после приема по случаю приезда С.Т. Коненкова на родину, он пригласил его в обком, где несколько часов убеждал с помощью ненормативной лексики, но так и не сумел. Позднее хотел повлиять на папу через маму, хотя и был наслышан о ее характере и прямоте высказываний. Он пригласил их (хотя это было редкостью в то время) на свой юбилей на дачу. Отказаться было невозможно. Да и мама никогда не увиливала от опасных ситуаций. И первым делом после знакомства с ней Павел Иванович стал жаловаться на папу за его позицию в решении судьбы Никитина. Видимо, его очень раздражало, что он не сумел переубедить Рыленкова. Мама спокойно и просто спросила Доронина: «Вы что же, считаете себя всегда правым?» Как ни удивительно, ее поддержала жена Доронина, врач: «Наконец-то нашелся человек, который сказал тебе правду». И Доронин понял, что переубедить их нельзя, но запомнил. Такой случай неповиновения партийному решению был исключительным явлением не только в Смоленске, но и в стране. А у папы подобных «грехов» набиралось достаточно. Например, резкий разговор с редактором по поводу искажения его текста о Пастернаке в 1958 году в «Литгазете». Я была свидетелем его, и, наверное, он был в таком же гневе, как и в разговоре о П. Морозове. Поэтому долго и старательно обходили наградами (например, к 50-летию), что очень быстро отметили и читатели в письмах-поддержках. А сколько все такие случаи стоили ему нервов и здоровья.

Такой человек, как Рыленков, в силу своего характера, убеждений, обостренного чувства справедливости и очень чуткой совести просто не мог совершить тех поступков, в которых прямо, хотя и не называя имени, обвиняет его В.А. Твардовская.

В статье о студенческих годах А. Твардовского и папы, как я думаю, приведено много доказательств не мнимых, а реальных. Но доказать можно только тому, кто слышит и стремится понять происходящее. Гораздо удобнее найти порядочного и скромного человека, на которого можно взвалить груз ответственности, тем более, если он ничего не может ответить, хотя бы потому, что уже в ином мире. Есть люди, которые стоят на своем, отвергая любые доказательства, и это очень вредит объективности в любом деле, в том числе истории, литературе, искусству. Ничего нет хуже «лобной психики» в любом деле и не способствует здоровым отношениям в обществе.

Папа не участвовал в грязных делах, творившихся в то трагическое время, но, как современник их, имел мужество взять на себя и свое поколение ответственность за то, что происходило, что они не сумели предотвратить творимое зло. В 1956 году им были написаны стихи об этом. На такое решались единицы. Стихотворений три.

1. Нет, я не стану притворяться.
2. Я знаю, когда-нибудь дочь моя спросит.
3. Я все с моим поколением...

Только одно из них было опубликовано при жизни автора (в «Литературной России»), сразу же отмеченное и писательским сообществом и читателями (первое).

Но я приведу две строфы из второго стихотворения – первую и последнюю (всего их пять).

Я знаю, когда-нибудь дочь моя спросит,
Горячей щекою коснувшись щеки:
Откуда взялась эта ранняя проседь,
Что инеем мне прихватила виски.

.....

Что иней у нас на висках серебрится –
Как горькая память тех дней и ночей,
Когда мы молчали, не в силах смириться,
Не смея, как совесть велела вступиться,
За близких своих и за лучших друзей.

05.10.1956

Совершенно согласна с мнением Валентины Александровны относительно Ивана Твардовского о его лжи об отречении Александра Трифоновича от семьи. Я лично услышала это из уст Ивана Трифоновича довольно давно на вечере воспоминаний о поэтах-земляках в клубе ВТО. Туда пригласили нас с мамой и братьев Твардовских. Выступали оба брата. Константин Трифонович говорил о брате просто, тепло, с большим уважением, а выступление Ивана Трифоновича вызвало у присутствующих недоумение и неприятное ощущение своей явной неприязнью к своему знаменитому брату. Мама же была просто возмущена такой явной несправедливостью и неблагодарностью к человеку, который фактически спас все их семейство. И всем, кто у нее спрашивал об этом отречении, всегда говорила – этого просто не могло быть. Нам было удивительно, как легко на такой примитивный крючок лжи попались многие смоленские литераторы, даже такие здравомыслящие люди, как Пашков, Звездаева, В. Иванова, Ипатова, не говоря о других, и вознесли его если и не выше брата, то почти на его уровень.

Мама часто говорила об этом с Верой Андреевной и другими писателями, но довольно тщетно. Хотя Вера Андреевна в конце концов что-то начала понимать. Иван Трифонович ловко умел смешивать ложь с элементами правды. У папы есть замечательная миниатюра:

Не забывай,
Пока твой век не прожит,
Что на любых путях,
Где ты идешь,
Ничто так душу
Осквернить не может,
Как притворившаяся правдой ложь.

29.06.1968

Мама же всегда помнила слова Александра Трифоновича, сказанные матери Марии Митрофановне, на просьбу ее узнать о судьбе Ивана, пропавшего без вести после сдачи в плен армии генерала Власова (в ней воевал и Иван Твардовский). Утешая мать, он говорил: «Вы же знаете нашего Ивана – он в огне не сгорит и в воде не потонет». Мама предполагала, что Александр Трифонович мог знать о судьбе Ивана Трифоновича, на-

ходившегося в Норвегии. Иван Твардовский всегда завидовал славе брата, считая, что тому очень повезло в жизни, а ему нет. Однако предпочитал молчать, пока брат был жив. А когда брат ушел из жизни, начал распространять о нем ложь, небылицы и попутно обливая грязью других. Добиваясь правдоподобия своим измышлениям, он опирался на пристрастие некоторых людей ко всякого рода дешевым сенсациям и давая любопытным пищу для сплетен. Я надеюсь, что это не прибавило ему славы у честных людей и не умалило заслуг брата.

Как говорил папа:

Время смывает своим потоком
С правды –
Всю пыль, приставшую к поту,
С кривды –
Мишурную позолоту.

Не останавливаясь на фактах, изложенных в статье о студенческих годах двух поэтов, хочу добавить следующее.

В 1961 году Твардовский дважды побывал в Смоленске в связи с тяжелой болезнью его тещи Ирины Евдокимовны. В первый приезд она болела, но положение было безнадежным, второй – на похороны. Мы уже жили не рядом с Твардовскими, а на другой квартире. В первый свой приезд Александр Трифонович и пришел к папе. Он попросил его пойти с ним в горсовет, чтобы оформить комнату больной Ирины Евдокимовны на семью Твардовских – мать, двух сестер и племянника Александра (сына Марии).

А предыстория комнаты такова. Теща Александра Трифоновича, всю жизнь прожившая в Смоленске, в войну потеряла дом (сгорел), скиталась с внуком Володей по деревням, и после освобождения Александр Трифонович увез их в Москву, но там они не прижились и летом 1945 года вернулись в Смоленск. Так как жить им было абсолютно негде, а получить жилье в разоренном городе – невозможно, то Ирина Евдокимовна передала папе просьбу Александра Трифоновича помочь прописать ее в квартиру Твардовских. Там она и жила с внуком Володей (круглым сиротой, племянником Марии Илларионовны) до 1961 года. Володя к этому времени был студентом технического вуза в Брянске. Александр Трифонович, не любивший что-либо просить у начальства, пригласил папу сходить с ним. Хладнокровный расчет Твардовского поразил маму до глубины души – речь о комнате идет при живом человеке, не учитывая, что у нее есть внук-сирота, которому и на каникулы приехать будет некуда. Как можно просить комнату в такой ситуации?

Мама в редчайших случаях поддавалась гневу, но тут она не выдержала и высказала все, что думала по этому поводу, и Александру Трифоновичу и папе, сказав, что нельзя поступать так бесчеловечно. Твардовский опешил – он никак не ожидал такой отповеди. Молчал и папа, понимая правоту мамы, хотя его удивила ее резкость. Помолчав немного, Александр Трифонович ушел, сказав маме – спасибо, Женя, за гостеприимство.

Год Твардовский и папа не поддерживали никаких личных отношений, хотя на официальных встречах здоровались и только. А в 1962 году состоялась поездка в Грузию, там проходила декада русской литературы. Папа был членом делегации, а мама никогда не бывала на Кавказе, и ей разрешили поехать с ними. По некоторым причинам было два руководителя – Сурков и Твардовский. График поездки был составлен так, что руководи-

тели не встречались. Сурков открывал декаду и руководил первой половиной поездок, затем он улетел и прилетел Твардовский. Он же и закрывал торжества. С женами были только руководители (папа был исключением). Руководители ездили на правительственных машинах, члены делегации – на волгах. Получилось так, что Сурков сразу же пригласил Рыленковых ездить с ним и Софьей Антоновной. Когда первая часть декады закончилась, многие писатели приглашали Рыленковых ездить с ними и папа договорился с В. Солоухиным. Маме после памятного разговора было не очень приятно встречаться с Александром Трифоновичем, но избежать этого она не могла. Однако, к большому удивлению, Твардовский, увидев ее, закричал своей жене: «Маша, Маша, иди скорей, здесь, оказывается, Женя». Выглядело все так, что никакой размолвки не было. Мало того, хотя папа отказывался, ссылаясь на предварительную договоренность с Солоухиным, Александр Трифонович настоял, чтобы они ездили вместе. Мама не стала возражать, так как понимала, что важнее поддержать папу. Правда, несколько раз они ездили с другими писателями. Замечу, что не зная о единственной жене писателя в делегации Александр Трифонович просто не мог.

В поездке ярко проявился характер семейной пары Твардовских. В машине кроме Александра Трифоновича и Марии Илларионовны, четы Рыленковых ездили Бесо Жгентия (член ЦК компартии Грузии), поэт Олег Шестинский. Папа с Шестинским на откидных сидениях, Александр Трифонович с шофером, остальные сзади. Твардовский разговаривал с папой о литературных делах. О литературе беседовали и Бесо с Марией Илларионовной. Остальным была отведена роль слушателей. Жгентия с неподражаемой восточной лестью расписывал роль Твардовского в литературе, как трудно ему одному нести тяжелую ношу советской поэзии на своих плечах. С этим Мария Илларионовна полностью соглашалась, добавляя, что разделить ее не с кем.

Мама всегда знала характер Александра Трифоновича, его непомерную гордость (унаследованную от отца Трифона Гордеевича и сыгравшую, возможно, решающую роль в высылке семьи), но считала такие разговоры не только нескромными, но и неприличными. Она очень наделась, что Александр Трифонович как человек умный и умеющий зло высмеивать живых людей «на пьедестале», должен прервать этот поток славословия. Но нет. Твардовский делал вид, что не слышит, и продолжал разговор с папой. Неуютно чувствовали себя только папа, мама и О. Шестинский. Думаю, что именно тогда мама, стремясь поскорее выйти, не заметила остававшегося еще в машине Шестинского, захлопывая дверь, ударила его по руке, но, слава богу, не отбила – он отделался синяком, а у мамы это спровоцировало приступ стенокардии.

Уверена, что настойчивое желание Александра Трифоновича ездить в Грузии именно с папой, не могло быть ни случайным, ни жестом «прощения» его строптивой жене.

В шестидесятые годы у мамы стало больше возможностей для поездок на различные мероприятия и в Москву и в другие города. И они вместе поехали на один из съездов писателей (не помню точно России или Союза), и когда наметился свободный вечер, им позвонил Михаил Васильевич Исаковский с приглашением провести его с ними. Ему давно хотелось о многом поговорить с папой, но это редко удавалось, а переписка, хотя и интенсивная, не заменяла личное общение. И хотя папы не было, мама пообещала, что они обязательно придут. Но оказалось, что это было не единственное приглашение. Чуть позднее позвонил Александр Трифонович с аналогичной просьбой. И закрутилась карусель. Папа отклонил предложение, поскольку жена уже пообещала Исаковским. Твардовский не любил отказов и попросил к телефону маму, но не смог ее переубедить.

Казалось бы, что в этом такого – не придут и не придут. Нужно поставить точку на этом – тем более, что приглашено и без них достаточно много народа – в основном новомирцы, Овечкин, возможно еще кто-то. Но Твардовский умел, когда хотел, добиваться своего. Он позвонил Михаилу Васильевичу, и тот, хотя и не охотно, уступил напору Александра Трифоновича. Правда, Твардовский пригласил к себе и чету Исаковских, пообещав, что Михаил Васильевич сможет переговорить с Рыленковым у них, что было нереально. Исаковскому пришлось перезванивать родителям и извиняться. Спрашивается, зачем надо было затевать такой ажиотаж из-за Рыленковых, если он, как пишет Валентина Александровна, чуть не погубил Александра Трифоновича? Значит, все было совсем не так, как это хотят представить некоторые недобросовестные «свидетели» и просто непорядочные люди. Рыленков никогда не участвовал в гонениях на Твардовского, и более того – всегда, где мог, защищал, ценил талант, видел и понимал его недостатки, но никогда их не выпячивал, а наоборот, высвечивал его достоинства. Это видно по многочисленным статьям об Александре Трифоновиче. Многие московские издания (газеты, журналы) за много месяцев до каких-то событий просили написать папу статьи об А. Твардовском, так как знали, что они будут интересны читателям своей нестандартностью, глубиной, в них не будет дежурных и пустых фраз.

А в последние годы, когда «Новый мир» и его редактор подвергались таким гонениям, что многие писатели перестали замечать Твардовского и даже не здоровались, папа в перерыве между заседаниями (видимо, какого-то очередного съезда) подошел к одиноко сидевшему Александру Трифоновичу, чтобы поздороваться и сел рядом. Твардовский спросил – ты не боишься сидеть около меня? Ведь теперь я в опале, меня даже не узнают, проходя мимо. На что папа ответил – мне нечего бояться. Папу поразило, сколько горечи и обиды было в его словах. Он успокоил его, говоря, что все это временное и пройдет. Твардовский почувствовал действительно дружескую руку, вздохнул с облегчением и рассказал папе, что ему предложили подать в отставку, но он отверг этот путь. Сказал – снимайте, если нашли мотивы для этого, а сам он не уйдет. Но сделать это власти не решились. И дождавшись пенсионного возраста главного редактора «Нового мира», отправили его на пенсию.

В юбилейном для страны 1967 году папе пришло письмо из редакции «Нового мира»: «Дорогой Николай Иванович!

В юбилейной 11-й книжке «Нового Мира» за 1967 год редакция хотела бы представить слово нашим авторам, близким друзьям и сотрудникам журнала. ... Очень просим Вас принять участие в этом предприятии редакции и написать для нас несколько страничек о том, что для Вас наиболее дорого и ценно в 50-летней истории Советской литературы. ...

Зная Ваше доброе отношение к журналу, Вы найдете возможным откликнуться на нашу просьбу.

Июнь 1967 года, Твардовский, Лакшин, Сац и др.».

А 6 июля был получен ответ от Александра Трифоновича:

«Дорогой Николай Иванович!

Спасибо за реальный отклик на призыв редакции – дадим ему место в одном из номеров поближе к годовщине в приличной компании. Собираюсь быть скоро в Смоленске, постараюсь дозвониться. Привет дому твоему.

А. Твардовский»

Дозвониться к нам было действительно нелегко, так как папа, если не был в разъездах, то работал на даче в Слободе, и телефонная связь была весьма неустойчива.

Писать на тему не мнимого, а подлинного благородства папы можно бесконечно. Но в заключение приведу цитаты из книги В. Звездаевой «Николай Рыленков», о которой В. Астафьев отозвался так в письме к маме: «Читал рукопись Веры Андреевны Звездаевой о Николае Ивановиче, и она мне очень понравилась тем, что в ней нет никакой фольклорности».

«После смерти Николая Ивановича – 23 июня 1969 года Исаковский говорил Н.С. Новикову (журналист, редактор «Рабочего Пути», затем работал в «Литературной газете» у Симонова, «Правде»), что виделся с А.Т. Твардовским. Они оба простить себе не могут, что «не проводили Колю ... Все надо было бросить, всем пренебречь... И далее «нельзя сказать, чтобы у нас в Смоленске не понимали значения Рыленкова, не считались бы с ним, не видели бы, какое это благо отнюдь не только для нашей махонькой организации, что он живет в Смоленске. Но все – и понимающие и совсем не понявшие, не дано им этого понять, – все только в день похорон увидели, какая это для нас потеря. ... Помню жуткое чувство сиротства в этот день. А как же теперь мы без него?»

Так надежно было за его спиной. Как-то в первое мгновение даже не сам его уход ударил, а жалость к себе, уже не придешь к нему, не выслушает тебя, не поговорит. ...

Какое горе, что его нет с нами. Какое счастье, что он был, жил, писал, что с нами остаются его книги...»

МЕРА

И влюблялся в Рембо,
И дивился я Аполлинеру,
Но в годину тревог
Были Блок и Есенин со мной.
С той поры я в поэзии
Знаю одну только меру,
Звук такой же щемящий,
Как эхо долины родной.
1961»

Январь–февраль 2022 г.